

жизни, начинают восприниматься как неподконтрольные и противостоящие индивиду. В своем осознании объективности проблем, порожденных обществом, индивид отчуждается от них, сосредотачиваясь на поиске успешных стратегий выживания. Вследствие этого развиваются личности де-юре – наделенные ответственностью за принятие решения, но не контролирующей среду, в которой вынуждены осуществлять выбор. Помимо самоотчуждения, отрицательным моментом развития личности де-юре и индивидуализации в целом является кризис общественной сферы. Человек отчуждается не только от себя как подлинного активного субъекта своих действий, но и от Другого в попытке установить с ним связь для совместного преодоления общественных противоречий.

Пути решения кризисного положения индивида и общества оба автора видят по-своему. Фромм – в необходимости отказа от рыночных ориентаций и развитии подлинных природных потребностей, преодолевающих отчуждение, Бауман – в восстановлении гражданской активности. Однако оба автора стремятся переориентировать позицию индивида с пассивного принятия своего положения в форму активного контроля индивидуального и общественного бытия.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе: [пер. с нем.] / Э. Фромм. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 571, [5] с. – (Philosophy).
4. Фромм Э. Человек для самого себя / Эрих Фромм; пер. с англ. Э. Спировой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 350, [2] с. – (Психология).

УДК 165.023:194

И.С. Гнилицкая

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
асс. каф. философии

К ВОПРОСУ О ВНЕНАРРАТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЗНАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье рассматривается концепт вненарративных оснований знания в исторической науке. Отмечается, что разработка и внедрение этого концепта может способствовать выходу исторической науки из кризиса. Указывается, что помощь в разработке данного концепта могут оказать: идея о пространственной организации мышления, сформированная в лингвистическом повороте; понятие «образа мира» А.Н. Леонтьева; концепция оснований научного знания минско-московской школы методологии науки.

Ключевые слова: историческая наука, вненарративные основания знания, пространственная организация мышления, идеал рациональности

І.С. Гнилицька

ДО ПИТАННЯ ПРО ПОЗНАРАТИВНІ ПІДГРУНТЯ ЗНАННЯ В ІСТОРІЧНІЙ НАУЦІ

В статті розглядається концепт позанаративних підґрунть знання в історичній науці. Відмічається, що розробка та впровадження цього концепту може сприяти виходу історичної

науки з кризи. Вказується, що допомогти у розробці такого концепту можуть: ідея просторової організації мислення; поняття «образу світу» О.М. Леонт'єва; концепція підґрунтя наукового знання мінсько-московської школи методології науки тощо.

Ключові слова: історична наука, позанарративні підґрунтя знання, просторова організація мислення, ідеал раціональності

I. Hnylytska

TO THE ISSUE OF THE NON-NARRATIVE FOUNDATIONS OF KNOWLEDGE IN HISTORY

The concept of non-narrative foundations of knowledge in historical science is considered in this article. It is noted that the development and implementation of this concept may contribute to the output of historical science from the crisis. It is stated that assistance can be provided by: the idea of the spatial organization of thinking; the concept of the image of the world A. Leontiev; the concept foundations of historical knowledge of Minsk-Moscow school.

Key words: history, non-narrative foundations of knowledge, spatial organization of thinking, ideal of rationality

Проблема выявления факторов, обуславливающих восприятие исследователем прошлого – традиционная для исторической науки. Вопросы о роли ученого-историка в формировании знания о прошлом, специфике и границах исследовательского субъективизма, «нагруженности» исторического знания разнообразными компонентами, от методологии до идеологии, а так же возможности существования знания о прошлой социальной реальности, совпадающего с действительностью прошлого, всегда звучали на территории исторического злободневно и остро. Сегодня, однако, эти проблемы приобретают особую актуальность в связи с трансформаций когнитивных практик. Усиливаются реалистические тенденции в понимании объекта исследования [18, с. 150], растет уровень доверия к субъекту исследования [9, с. 15], стирается казавшаяся нерушимой граница между естествознанием и гуманитаристикой [6, с. 13]. Ответ историков на современные эпистемологические тенденции тесно связан с пересмотром ситуации господства нарративизма в историографии последней трети XX в., когда прошлое в качестве объекта исследования было заменено на тексты о нем.

Учитывая вышесказанное, *актуализируется* изучение проблемы внеарративных оснований научного знания в исторической дисциплине. Отдельные аспекты указанной проблемы раскрываются в работах Е. Топольского, показавшего, что основания исторического знания выходят за пределы текста [16, с. 109 – 120], Ф. Анкерсмита, впервые концептуализировавшего проблему внеарративных оснований знания в истории [1], Э. Доманской, осмыслившей предпосылки трансформации оснований знания в истории [3, с.69 – 94], Н. Копосова, обратившегося к исследованию влинейностического пространственного воображения в мышлении современных историков [5], С. Маловичко, М. Румянцевой [10, с. 9 – 22] и А. Лубского [7], применивших в истории концепцию оснований научного знания, разработанную В.С. Степиным на материалах естествознания. Но в целом *степень исследования проблемы* на сегодняшний день недостаточна. Заявленная проблема требует формирования более широкого поля идей для дальнейшего изучения, что и определяет *цель* статьи.

В условиях практически полного отсутствия концепций внеарративных оснований, разработанных методологами истории¹, неизбежен поиск концепций оснований научного знания на материалах других дисциплин. Этот поиск неизменно

¹ Исключение составляет концепция «возвышенного исторического опыта» Ф. Анкерсмита, но поскольку он, во-первых, не анализирует структуру ностальгического опыта, во-вторых, не рассматривает историю в качестве науки, данной концепции в настоящем исследовании мы касаться не будем.

приводит к концепции оснований знания, сформированной на базе естественных наук представителями минско-московской школы во главе с В.С. Степиным. Внедрение указанных наработок на территорию исторического, где не прекращаются дискуссии об эпистемологическом статусе истории [14, с. 160], представляется возможным постольку, поскольку ученый-историк неизменно руководствуется общенаучными принципами познания: принципом истины, принципом конкретности, принципом историзма, принципом объективности, принципом всесторонности, принципом системности, принципом опоры на источники, принципом историографической традиции, а так же использует как общенаучные, так и специальные методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, ретроспективный, метод исторической периодизации, метод диахронического анализа, нацеленные на достижение объективного знания.

Сообразно с идеями методологов минско-московской школы, основания научного знания предстают в качестве социокультурных, мировоззренческих и аксиологических факторов, оказывающих воздействие на становление научных гипотез и теорий [13, с. 140]. Основания научного знания можно разделить на онтологический и эпистемологический блоки. Онтологический блок формируется сеткой категорий, служащих матрицей понимания и познания реальности [12, с. 122]; эпистемологический – категориальными схемами, которые характеризуют познавательные процедуры и их результат – понимание истины, метода, знания, объяснения, доказательства, теории, факта и т.п. [12, с. 124] И онтологические, и эпистемологические основания научного знания трансформируются от классического к неклассическому и постнеклассическому образцам научной рациональности². Так, в рамках классической рациональности сформировалось представление об основаниях знания как аподиктическом «базисе», независимом от познающего субъекта – предельно логизированной, объективистской системе знания, отсекающей всю палитру вненаучных и донаучных компонентов, а так же «личностных» факторов [11, с. 250]. В неклассической рациональности основания знания начинают пониматься в качестве предпосылок, опосредующих, обуславливающих восприятие исследуемого аспекта реальности; находящихся в плоскости взаимодействия сообщества ученых, а соответственно, являющихся продуктом конвенции [11, с. 271]. В формирующейся же постнеклассической рациональности исследователи обращаются к изучению оснований научного знания как исторически сложившихся форм ценностных и исторических ориентиров, отражающих социально-культурную детерминацию познания и выполняющих нормативные – философско-методологические и мировоззренческие функции [11, с. 280]. Обосновательная проблематика в ней окончательно уступает место исследованиям, сконцентрированным на изучении проблем, фактически не соотносящихся с предметным уровнем знания, но связанных с вопросами его получения, развития и роста.

Представляется, что в сложившейся в исторической дисциплине ситуации поиска выхода из тупика нарративизма, идеи методологов минско-московской школы нуждаются в дополнении гипотезами о вненарративной природе знания о прошлом, выкристаллизовавшимися в ходе лингвистическом повороте в качестве контрверсии идеи нарративности [5, с. 170]. В ряде лингвистических, литературных и искусствоведческих исследований второй половины XX в. высказывалась идея о том, что язык, и соответственно, нарратив, не является последним основанием знания. Так, Мишель Фуко [20, с. 411] и Жерар Женет [19, с. 107] в одних и тех же словах

² Рациональность в этой предстает как функциональное соответствие определенной социокультурной системе; приобретает значение социальной нормы, отражающей социокультурные особенности обществ и обеспечивающей социальную солидарность

упоминали, что «язык соткан из пространства». Но это значит, что сам язык способствует специализации реальности в нашем воображении [5, с. 175], и соответственно, ставит задачу анализа взаимосвязи пространственных парадигм и других лингвистических механизмов. [5, с. 176]. В ходе изучения языковых метафор, запущенного лингвистическим поворотом, было выяснено, что они являются не только важнейшим когнитивным инструментом, но и структурирующим лингвистическим механизмом, в котором находит выражение внеязыковой опыт [21]. М. Мандельбаум, Х. Уайт, С. Гемпфри, Ф. Анкерсмит, Р. Нисбет, В. Вжозек, Е. Доманська, М. Блэк, М. Гессе, Дж. Лакофф и М. Джонсон, П. Вилрайт, Э. Ортони, Б. Индуркья, Е. Земек, У. Эко, подчеркивающие, что каждое происходящее в границах культуры мыслительное представление мира является своеобразной метафорой, сходятся на мысли, что метафора является чем-то «большим» языкового явления, она как бы «укоренена» в более фундаментальном механизме познания [16, с. 188 – 191].

Структуралистские литературные критики показали наличие некоторых параллелей между формальной организацией повествования и структурой базовых областей опыта. В частности, они говорили об отражении пространственного опыта в построении текста и подчеркивали тенденцию к «специализации» художественного мышления в литературе модернизма, указывая на то, что по-видимому, формальная организация повествования наряду с метафорой выступает механизмом трансляции пространственного опыта в тексты. [5, с. 174].

Наконец, аргументы в пользу гипотезы о важной роли пространства для мышления предоставило искусствоведение, где выкристаллизовались идеи о фигуративности глубинных структур мысли и визуальном языке как не поддающемся полному переводу в язык лингвистический [5, с. 175].

Внедрение сформированной на базе лингвистического поворота идеи о пространственной организации мышления в концепцию оснований знания позволит представить слой оснований как довербализированный, пространственный образ, находящий выражение в языке, но не конструируемый им.

Однако, учитывая движение современной философии науки к «целостному» субъекту в единстве чувственности, мышления и деятельности [9, с. 15] обозначенная выше идея нуждается в некоторых дополнениях.

Представляется, что такие дополнения может предоставить концепция «образа мира», разработанная советскими психологами. А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов, С.Л. Рубинштейн и др. не только прояснили структуру пространственной организации мышления, но и показали зависимость этой организации от индивидуального субъекта, тем самым избежав крайностей структурализма [15]. Сообразно с идеями А.Н. Леонтьева, С.Д. Смирнова, С.Л. Рубинштейна и др., «образ мира» представляет собой универсальную форму организации знаний человека. Он функционально и генетически первичен по отношению к любому конкретному образу или отдельному чувственному переживанию [15]. Соответственно, он является начальным звеном любого познавательного акта. Образ мира структурируется в системе понятий и идей, свойственных определенному этапу развития человечества. Структура образа представляется как набор взаимосвязанных универсальных понятий либо как ряд основных семантических противопоставлений, смысловых оппозиций. Их набор, необходимый и достаточный для описания мира (макро- и микрокосма), состоит из 10 – 20 пар противопоставленных признаков, связанных в первую очередь со структурой пространства (верх / низ, правый / левый, близкий / далекий и др.) и времени (день / ночь, вчера / сегодня, зима / лето, свет / мрак и др.). Среди других оппозиций существенны: жизнь / смерть, природа / культура, чет / нечет, белый / черный, мужской / женский, старший / младший, свой / чужой, я / другой, сакральный / мирской и др. Набор признаков проецируется на аксиологическую ось (оппозиции добро / зло,

хороший / плохой). Ряд категорий имеет амбивалентный характер, включая в себя одновременно противопоставленные признаки (например, солнечное затмение, северное сияние). На основе набора двоичных признаков конструируются универсальные знаковые комплексы, с помощью которых усваивается и описывается мир. Эти комплексы реализуются в различных кодовых системах: астральной, вегетативной, зооморфной, числовой, акустической и др. [2]. Весь этот сложный – и одновременно простой – классификационный аппарат на семантическом уровне един, поскольку описывает один и тот же объект – мир – с точки зрения одного и того же субъекта – человека. Это, по мнению советских психологов, и есть своеобразная «сетка координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании [7, с. 261.].

Таким образом, дополнение концепции оснований научного знания, разработанной представителями минско-московской школы идеей о пространственной организации мышления и понятия «образа мира» А.Н. Леонтьева позволяет представить слой оснований знания о прошлом как довербализированный, пространственный образ, конструируемый целостным, деятельным субъектом. При таком взгляде трансформация социокультурного слоя знания является не следствием смены безликих структур, но результатом сознательной деятельности, выбора познающего субъекта.

Исходной сеткой для формирования этого образа, соответственно, выступают категории пространства и времени. Они могут быть поняты сообразно с субстанциальной / реляционной концепциями пространства-времени. В субстанциальной концепции пространство и время понимаются как особые сущности, существующие наряду и независимо от материальных объектов. Пространство трактуется как всегда и повсюду одинаковое, неподвижное и отождествлялось с пустотой, «местом» для расположения предметов, а время – как протекающее равномерно, представляется некоей средой, в которой происходят движения / изменения, схожие с движениями в пространстве. Сообразно реляционной концепции, пространство и время понимаются не как самостоятельные сущности, но как отношения, образуемые взаимодействиями материальных объектов, вне же этого взаимодействия они считаются несуществующими. Выбор концепции пространства / времени соотносится с господствующим типом рациональности: субстанциальная концепция доминировала в культуре Нового времени и классической рациональности, но со становлением неклассического типа рациональности сменилась реляционной концепцией.

Охарактеризуем основания знания о прошлом в каждом идеале рациональности.

Классический идеал рациональности в исторической науке базировался на вере в познаваемость прошлого «таким, как оно было на самом деле» и существование единственно верного варианта исторической реальности. Онтологические основания исторической науки в классическом идеале рациональности обуславливались субстанциональной концепцией пространства-времени, господствующей в культуре Нового времени. Сообразно с субстанциональной концепцией, историческая реальность представлялась как существующая «сама по себе», вне культуры и сознания исследующего ее историка. Конструируемый историком образ исторической действительности, в строгом смысле отсутствующий, понимался как существующий, но в иной действительности, – действительности прошлого.

Идея о дискретности пространства находила выражение в представлении о том, что действительность прошлого состоит из отдельных событий, а историческая реальность – из множества отдельных фактов [7, с. 94]. Исторический факт трактовался в качестве события исторической действительности, нашедшего выражение в сохранившихся исторических источниках, и очищенного от возможных искажений и

последующих наслоений с помощью мыслительного аппарата историка. Понимание исторической реальности как состоящей из множества фактов-кирпичиков, связанных между собой отношениями лапласовского детерминизма, способствовало формированию представления о ней как закономерной и законообразной. Соответственно, формулирование исторических законов представлялось второй по значимости после сбора фактического материала задачей.

Эпистемологические основания в классическом идеале рациональности задавали понимание истории в качестве науки с «жесткими» критериями научности. Механизмы, определяющие гносеологический статус исторической дисциплины в указанном идеале рациональности базировались, на гносеологическом оптимизме. Воссоздание прошедшей действительности, «какой она была на самом деле» представлялось возможным, поскольку познающий субъект, использующий наиболее правильный исследовательский метод, понимался способным элиминировать «личностные» факторы из процесса, а главное – результата познания. Более того, постулировалось, что позиция историка как концентрированное выражение влияния на него окружающей среды является совместимой с поиском истины.

Категориальные схемы, выражающие особенности строения исторической дисциплины, в классической рациональности были представлены, во-первых, требованием руководства на территории исторического едиными, общенаучными критериями объективности и истинности знания. Таковым считалось: знание, направленное на обнаружение объективных законов природы, общества, мышления и познания; знание, нацеленное на достижение объективной истины, знание, ориентированное на изменение окружающей действительности и управление ролевыми процессами, знание строго доказуемое, оперирующее обоснованными результатами и достоверными выводами, а так же знание, полученное вследствие применения постоянной методологии и специальных материальных средств, используемых для исследования и образующее целостную систему понятий, теорий, гипотез, законов, закрепленных в языке. Во-вторых, категориальные схемы, выражающие особенности строения исторической дисциплины, были представлены требованием подтвержденности теории фактами; а так же принципом очевидности (наглядности) фундаментальных постулатов исторической теории.

Познавательные методы и средства в исторической дисциплине в классической рациональности репрезентировались номотетической когнитивной стратегией. Последняя была направлена на создание исторических концепций, с помощью которых исследователь мог охватить все стороны исторической реальности в единой логически непротиворечивой системе эмпирического и теоретического знания. Номотетическая когнитивная стратегия так же ориентировала исследователя, с одной стороны, на познание общего, приобретающего форму социального закона, а с другой, путем изучения взаимосвязей между различными фактами и установления их повторяемости в истории – на открытие исторических законов.

Отметим, что классическая рациональность заложила предпосылки конфликта между спецификой гносеологического инструментария историка, обусловленного природой прошедшей социальной реальности, и существующих требований к истории в качестве науки.

Неклассический идеал рациональности в истории базировался на признании относительности истины, возможности существования различных конкретных теоретических обобщений, в каждом из которых должен был содержаться момент объективно-истинного знания. Онтологические основания в неклассической рациональности задавались господствующей в этот периода реляционной концепцией пространства-времени. Историческая реальность трактовалась как зависящая от субъекта, ее познающего, недоступная вообще, но открывающаяся исследователю

сейчас, в процессе непосредственного ее переживания, воссоздания его через психологические структуры собственного внутреннего опыта и исторического воображения. [4, с. 230]. Единая реальность прошлого классического образца в неклассической рациональности замещалась «бесконечным числом реальностей, равноценных разнообразным суждениям и точкам зрения, обнаруживаемым в настоящем» [7, с. 133]. В данном типе рациональности был сделан существенный шаг в сторону холизма, признания недискретного характера исторической реальности, невозможности расчленения ее на отдельные части и «вырывания» событий из плотной сетки «пространство-время-событие».

Эпистемологические основания научного знания в неклассическом идеале задавали понимание истории как науки с «мягкими», размытыми критериями научности, дисциплины, тяготеющей к искусству. Категориальные схемы, задающие гносеологический статус исторической дисциплины, базировались на понимании исторической реальности уже не как существующей объективно, но как неотделимой от субъекта, ее исследующего. Основным познавательным средством неклассической модели исторического исследования стало понимание, направленное на «постижение» смысла тех или иных индивидуальных действий.

Познавательные нормы неклассического идеала рациональности, однако, так же оказались не в состоянии уравновесить особенности исторического познания с существующими критериями научности: сложилась ситуация замены познания самой реальности прошлого исследованием текстов (нарративов) о ней, и как результат – эпистемологический кризис реализма.

Становление в исторической дисциплине принципов, соразмерных с постнеклассической рациональностью, наметившееся в конце XX – начале XXI в., следует рассматривать в контексте поиска выхода из сложившейся ситуации кризиса эпистемологического реализма. В становящемся постнеклассическом идеале рациональности онтологические основания, так же организованные в соответствии с реляционной концепцией пространства-времени, задают понимание исторической реальности как сложной открытой системы, приблизиться к адекватному пониманию которой невозможно без признания неразрывности субъект-объектной связи, существования причинности с элементами неопределенности, а так же целостного, всестороннего синтеза работы историка с философией. Признается, что историческая реальность «дается» историку в виде текста, конструируется им в нарративе, но существует объективно.

Эпистемологические основания в становящейся постнеклассической рациональности задают понимание истории как научной дисциплины с «мягкими» критериями, но подчеркивают ее научный статус. Механизмы, задающие гносеологический статус, базируются на отказе от претензий на достижение абсолютной истины и построения сколь либо исчерпывающих объяснительных систем. Категориальные схемы, выражающие особенности строения дисциплины, базируются на внедрении принципа дополнительности, а так же включенности в когнитивные процедуры этических категорий и ценностных ориентиров; категориальные схемы, выражающие познавательные методы и средства, базируются на синтезе описательных и объяснительных стратегий.

Постнеклассическая рациональность, таким образом, признает научный статус исторической дисциплины, но, благодаря внедрению «мягких» критериев научности, сохраняет специфику последней. Представляется, что именно идеал постнеклассической рациональности уравнивает специфику исторического познания с претензиями исторической дисциплины на научность. Обеспечивая исторической дисциплине соответствующие ей «мягкие» критерии научности, последний не допускает «скатывание» истории в род литературы. Сообразные с

постнекласическим идеалом рациональности онтологические и эпистемологические основания препятствуют флуктуациям на «поле исторического», обуславливая устойчивость знания в истории. Соответственно, компоненты онтологического и эпистемологического блоков оснований исторической дисциплины в постнекласической рациональности нуждаются в дальнейшем, более детальном, изучении, к которому неизменно обратятся исследователи с укреплением позиций постнекласической рациональности.

Таким образом, можно сделать *вывод*, что отказ от нарративизма, в первую очередь в слое оснований знания, способен модернизировать историческую дисциплину сообразно с критериями постнекласической рациональности. Формирование концепции вненарративных оснований научного знания на территории исторического представляется возможным на базе идей, высказанных методологами минско-московской школы во главе с В.С. Степиным, дополненных представлениями о пространственной организации мышления, развитых в континентальной философии второй половины XX в. и советской школы психологии А.Н. Леонтьева.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт [Текст] / Ф. Анкерсмит. – М., 2007. – 612 с.
2. Белоусова А.К. Образ мира: этнопсихологический аспект [Электронный ресурс] / А.К. Белоусова, Ю.А. Тушнова. – М., 2011. Режим доступа: <http://psyjournals.ru/education21/issue/54831.shtml>
3. Доманська Е. Історія та сучасна гуманітаристика [Текст] / Е. Доманська. – Київ. – 2012. – 263 с.
4. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография [Текст] / Р. Коллингвуд. – М., 1980. – 484 с.
5. Копосов Н. Е. Как думают историки [Текст] / Н.Е. Копосов – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 326 с.
6. Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке// Наука глазами гуманитария [Текст] / В.А. Лекторский. – М., 2005. – с. 13 – 23.
7. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М., 1983. – 320 с.
8. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования [Текст] / А.В. Лубский. – М., 2005. – 339 с.
9. Микешина Л.А. Новые образы познания и реальности [Текст] / Л.А. Микешина, М.Б. Опенков. – М., 1997 – 240 с.
10. Маловичко С. История локуса в классической, неклассической и постнекласической моделях исторической науки [Текст] / С. Маловичко, М. Румянцева // Регіональна історія України: Зб. наук. ст. – К.: 2012. – Вип. 6. – С. 9 – 22.
11. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия [Текст] / В.С. Степин. // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб., 2009. – С.249 – 295
12. Степин В.С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды. [Текст] /В. С. Степин. – Минск, 2012. – 416 с.
13. Степин В.С. Теоретическое знание [Текст] / В.С. Степин. – М., 1999. – 460 с.
14. Тарасов А. Н. Структура научных парадигм [Текст] / А. Н.Тарасов – Одесса, 2015. – 384 с.
15. Тамерьян Т.Ю. Концепция образа мира [Электронный ресурс] / Т.Ю.Тамерьян. – Казань, 2008. Режим доступа: <http://svarkhipov.narod.ru/vipu/tame.htm>
16. Топольський Є. Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної нарації [Текст] / Є. Топольський – Київ, 2012. – 400 с.
17. Феррарис М. Что такое новый реализм? [Текст] / М. Феррарис // Вопросы философии, 2014. – №8. – с. 145 – 160
18. Черникова И.В. Эволюция субъекта научного познания [Текст] / И.В. Черникова // Вопросы философии, 2014. – №8. – с. 65 – 76.
19. Genette G. Espace et langage / [Texte] G. Genette // Figures – Paris: Seuil, 1966.
20. Foucault M. Le langage de l'espace [Texte] / M. Foucault // Dits et écrits. Vol. 1. – Paris: Gallimard, 1994.
21. Lakoff G. Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London, 1980.